

Piotr Czerwiński

‘Зоопарк’ ментального представления русскоязычных. Вариации и динамика репродуктивного образа (2)

Zoophilologica. Polish Journal of Animals Studies 3, 23-56

2017

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

PIOTR CZERWIŃSKI

Uniwersytet Śląski w Katowicach
Wydział Filologiczny

„Зоопарк’ ментального представления русскоязычных Вариации и динамика репродуктивного образа* (2)

„Зоопарк’ как граничное место контактного переживания и пребывания в нем

Неожиданно выбивающимся из общего ряда описанных представлений выглядит толкование, предлагаемое М. Купаль¹:

ЗОО Видеть: сообщение о том, что хорошо было бы войти в близкий контакт с животными, наблюдая их поведение, поскольку мы можем многому от них научиться. Они говорят нам, какой способ поведения следует оставить, а к какому стремиться.

В этом случае зоопарк предстает как место, допускающее возможность более или менее близкого контакта с животными и наблюдения за ними. Собственно говоря, это тот аспект, который непосредственно связан с его назначением. Спящему в его состоянии, актуальному к положению во сне, не достает “животной” естественности проявлений. Зоопарк фигурирует

* Статья представляет собой адаптацию фрагмента монографии автора *Пространства в снах. Семантика ориентационных мотивов*. Тернополь: Крок, 2015. Часть 1 см.: “Zoophilologica” 2016/2, s. 23–58.

¹ М. СОУРАЛ: *Sennik. 2200 hasel. Mitologiczna, psychologiczna i psychoanalityczna symbolika snów*. Z francuskiego przełożyła H. PAWLIKOWSKA-GANNON. Tytuł oryginału: *Le rêve et ses symboles*. Warszawa 2002, s. 472.

в данном случае как место, сохраняющее, за счет животных, находящихся там, заложенную в нем идею своеобразного образца, эталона природной, не искаженной искусственными и социальными наслоениями, натуральности. Не важно то, что звери в нем не на свободе, что они по клеткам, что расставлены по каким-то рядам, упорядочены и размещены в соответствии с видами «хищные», «травоядные», «человекоподобные», «птицы», «рыбы» и пр., что зоопарк занимает какую-то площадь, что в нем есть аллеи, могут быть развлекательные программы, что он где-то находится, что за вход надо платить и возможность пребывания в нем предполагает время открытия и закрытия и т.п. Все эти свойства и признаки не действуют. Видеть ,зоо' для М. Купаль означает одну лишь возможность контакта с теми, кто привычно находится там и кто нигде в другом каком-либо месте, также доступном, как правило, не находится. Тем самым, из тех трех признаков, перечисленных в предыдущем описанном толковании, в разбираемом случае можно говорить об одном: зоопарк – это 1) 'звери', доступные для контакта и восприятия, и это был бы признак 2) 'демонстрируемые', т.е. предоставляемые к наблюдению. Вполне понятно, что при таком понимании также трудно было бы говорить о пространственности как переживании (переживается не пребывание в месте, которое ,зоопарк', а возможный контакт с животными, предоставляемый зоопарком как предназначенным к этому местом, что не одно и то же).

,Зоопарк', тем самым, и здесь фигурирует как локатив-форматив (не инкорпоратив и не комморатив). Равно как и трудно было бы говорить о специфичности так понимаемого ,зоопарка', отличающей его в его собственных признаках от чего-то другого подобного, зверинца, как уже ранее отмечалось, цирка либо чего-то еще, что может отдельного обозначения не иметь, но каким-то образом подразумеваться, представляя собой коллекцию, сбор, собрание животных или зверей. Развивая мысль о доступности взаимодействующего и обучающего контакта с животными, подобным местом можно считать (поскольку нет слова о клетках) и заповедник, и национальный парк, где животные на свободе, и сафари, и ранчо, и ферму, и деревенское хозяйство, и хлев, и пастбище, т.е. все то, где можно встретить животных, их наблюдать, контактировать с ними. Тот признак, который был выведен нами как второй ('демонстрируемость') может быть интерпретирован в отношении 'доступности взаимодействия и восприятия' и, тем самым, расширен.

В связи с этим всем, ,зоопарк' в этом случае также можно интерпретировать как пространственное по своему характеру обобщение, но не 'несвободы зверя в каком-то неопределенном числе', как в предыдущем примере, а его 'доступности для контакта и наблюдения в облагораживающе-поучающих целях для человека'. Расширяя это понятие и представление, о ,зоопарке' можно было бы говорить как о граничном месте (наиболее

обобщенном по сравнению с другими подобными), предполагающем возможность контакта и связи человеческого (в социально-психологическом, в первую очередь, смысле) с животным, с тем, что в животных и сохраняется ими в своем не испорченном естестве.

Семантика переносов в их отношении к способности репродуктивно-образного расширения

Возвращаясь к мысли об отражении разбираемой семантики в языке, с тем чтобы увидеть связи и соотношения этой семантики с представлениями ее и не только ее в разбираемых образах, обратимся теперь к переносным значениям *зоопарка*, поскольку его прямое значение, равно как и переносные значения у *зверинца*, были уже рассмотрены. Первое, на что следовало бы обратить внимание в указанном отношении, это на то, что переносных значений для *зоопарка* в толковых словарях русского литературного языка мы не находим. Так же, впрочем, как и в отношении *зверинца* (если не иметь в виду ТСУ). Тем самым, следует говорить не о значениях (лексико-семантических вариантах) у данного слова как слова, а о возможных словоупотреблениях, которые, как представляется, следовало бы относить к узуальным, общеизвестным и довольно устойчивым, характерным для разговорной речи, или, как в последнее время, исследователи данного языкового явления предлагают это определять, разговорного языка². Проявляется эта семантика, как бы ее по-научному ни определять, в выражениях и фразах типа *Устроили тут зоопарк. Ну идите уже, не стойте, вам тут не зоопарк. Смотрю на всю эту публику как на зоопарк. И в зоопарке не надо быть, тут такое можно увидеть! Нет, ну просто зоопарк какой-то! Зоопарк (цирк), да и только!*

Речь, тем самым, идет об аспекте, связываемом с демонстративностью. Ближе всего это было бы к представлению некоей группы людей, вызывающих своим видом, а чаще всего поведением, странное впечатление, связываемое с неадекватностью, чудачествами, диковатостью, экстравагантностью, необычностью, несоответствием общепринятому или ожидаемому, возможно, нелепостью, несообразностью и комизмом. В.В. Химик в своем словаре³ приводит и объясняет не вполне то же самое, но разго-

² См. работы Е.А. Земской по данным проблемам (поскольку это не предмет нашего рассуждения, не будем их по названиям перечислять).

³ В.В. Химик: *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи*. Санкт-Петербург 2004. Знаком * перед объясняемым словом автор отмечает «слово в перенос-

ворное также, значение следующим образом (сопровождая его примерами из современной прозы экспрессивно вульгарного свойства, а в качестве близких по значению давая *цирк* и *балаган*):

***ЗООПÁРК**, а, м. *Насмешл. неодобр. разг.* О нелепом, смешном, странном внешнем виде или поведении людей. *Настоящий з.*

Небезынтересно и показательно, что слова *зверинец* в таком же разговорно-переносном употреблении данный словарь не содержит, что может отчасти быть объяснено устарелостью, а отчасти, возможно, меньшей употребительностью, не нашедшей своего воплощения в отбиравшихся при его составлении источниках.

Зоопарк в интересующем нас переносном значении имеется в «Словаре современного русского города»⁴, включающего, по определению его авторов, приводимому в аннотации, «все лексические пласты, которые образуют разговорную речь современного крупного русского города: разговорную литературную лексику, городское просторечие, жаргоны, табуированную (ненормативную) лексику, а также диалектизмы, бытующие в городских условиях»:

ЗООПÁРК, -а. – *сущ. sing. tantum 2 скл. муж. р. неодуш.* – ирон. – *молод.* – *СМА.* – Беспорядок. – *см. аврал.* – [*ну-и запарк у-нас сиводья дба; давай-ка убирёмся*] 1996.

Слова *зверинец* при этом также нет в этом словаре. В связи с чем можно было бы не без основания предполагать, что *зоопарк* вытесняет *зверинец* из языкового сознания современных носителей. Будучи близкими, эти понятия замещают одно другое, а поскольку с *зоопарком* в условиях города, так или иначе, приходится иметь дело намного чаще, чем со *зверинцем*, лишь время от времени могущего туда и сюда наезжать, то и отходит этот самый *зверинец* на задний план, имея к тому же и по словарям, как было замечено ранее, не вполне объяснимое представление, то ли как историзм, то ли как не историзм, но без толкового обоснования и объяснения того и другого. И хотя вроде бы с точки зрения своей мотивационной прозрачности и выразительности как средство возможной оценки *зверинец* мог бы конкурировать с *зоопарком*, регулярность и актуальность последнего, соотносясь к тому же дополнительно с очень активным в оценочном отно-

ном значении (сниженные и экспрессивные значения нейтральной нормативной единицы)».

⁴ *Словарь современного русского города*. Под ред. Б.И. Осипова. Москва 2003. Аббревиатура *СМА*. при дефиниции означает, что данное слово в описываемом значении зафиксировано в *Словаре московского арго* В.С. Елистратова (Москва, 1994).

шении *цирком*, образуя с ним прочную пару «цирк – зоопарк», куда постоянно водят детей как в места, где находятся звери, где можно их показать, все это, вместе срабатывая, делает представление о зоопарке неколебимым.

Говоря о ментально-языковых наслоениях и характеристиках анализируемого пространственного объекта, точнее концептуально-оценочного и смыслового представления о нем, показательным видится его расширение с выходом в сферу не только разговорного языка с его экспрессивностью, что нашло свое отражение в словаре В.В. Химики и что вряд ли можно считать явлением последнего времени, но и в жаргоны и сленг. Не будем вдаваться в особенности всех этих процессов, связанных с эволюцией языка, предполагающего на современном этапе своего развития переживаемые им явления широко понимаемой сленгизации и жаргонизации, поскольку все это далеко от предмета нашего интереса, обратимся только к одной его стороне. Той, которую можно отметить и наблюдать на примере рассматриваемого здесь ,зоопарка', и как слова, и как устойчиво сопровождающего представления о нем как объекте, элементе пространства современного города. С тем чтобы выявить связанную с ним ментально-оценочную тенденцию, которая может далее находить свое не прямое, но отраженное воплощение в образах сновидений, к тому же по-разному объясняемых.

Оттолкнемся, однако, от разговорной сферы, поскольку, будучи общеупотребительной и широко известной, не ограниченной в своих проявлениях и отношениях к носителям своего языка, она вместе с тем дает представление о свободном, скажем так, заряженно экспрессивном, эмоциональном, оценочном и характеризующем употреблении вербализуемых средств языка. Обращаясь этим своим проявлением и такими своими особенностями к тому, фактически, как и что мыслят, как воспринимают мир, как оценивают его говорящие, не будучи скованы строгими литературными нормами, с одной стороны, а с другой, и при этом же, видя и чувствуя в языке не только средство взаимодействия с национально-культурной традицией, не только средство для оформления мыслей и передачи их собеседнику, но и то, средство, которое позволяет свое субъективное отношение к тому, о чем говорится, передавать. И оформлять это, и воспринимать от других как то, что дает возможность увидеть, почувствовать, выработать систему понятий и представлений о происходящем и окружающем, выкладывая это в виде определенных оценочно-концептуальных ориентиров, общих во многом, если не совпадающих, с теми, которые вырабатываются и складываются таким же образом и у других.

Коммуникативно-информационный обмен, о чем не следует забывать, обеспечиваемый средствами языка, лишь исходно и в самом общем, не прорисованном, виде осуществляется средствами того языка, который привычно определять словами общий, общеупотребительный, национальный и литературный. Далее, переставая быть только тем обменом,

о котором следует говорить как о коммуникативно-информационном, этот обмен становится в очень значительной степени, средством адаптации к окружению, средством вписывания себя в окружающий свой близкий мир. Обмен этот, через коммуникативный обмен информацией, становится тут же обменом концептуально-оценочных ориентиров, т.е. обменом ориентирующих и ориентирующихся ментальных систем. Литературный язык, представляя собой достояние и достижение данного национально-общества в его традиционно-культурной основе и исторической, в первую очередь, ретроспективе, плохо, с большим трудом поддается (если вообще способен) обработке, в своем изначальном узувально-словарном и растолкованном виде, сознанием не вполне образованного, мало начитанного и недостаточно ориентирующегося в вероятных, а потому и различных, системах ценностей современного человека. С тем чтобы на основе и вследствие такой обработки иметь возможность найти и выработать что-то свое. Такая задача становится для него не по силам, тем более когда почти что готовая разработка-решение имеется под рукой в виде отстоящих, только внешне похожих на не заряженный на современный лад литературный язык, внутренне часто противоположных ему, прежде всего и самое главное, оценочных и ориентирующих систем, находящихся свое вербальное отражение и выражение в жаргонах и сленге. Отчасти в этом можно было бы видеть их притягательность и широкую распространенность в современных условиях повседневного бытования языка, с его не только уже разговорностью, что понятно и объяснимо и было всегда, но и активным взаимодействием с языками широко понимаемого подстандарта. Взаимодействием не просеиваемым, не защищенным, открытым и, в принципе, дезориентирующим. Таким, которое в поисках ментально-оценочных и системоценностных ориентиров легко утрачивает ориентиры того, что важно, что объективно, что неизменно, не вырабатывая с этим также и ориентиры индивидуально-собственного и своего, обходясь, ограничиваясь тем, что содержится и что предлагает социолектно организованное и в себе для себя уже все это выработавшее языковое сознание.

Ментально-оценочное в представлении о 'зоопарке' и его возможное репродуцирующее отражение

Посмотрим теперь только с этих позиций и в таком повороте на то, чем является и как себя объявляет в ментально-оценочном представлении 'зоопарк', который далее может быть, а может не быть в этой части своей

составляющим разбираемого образа, самостоятельного и полного, оборачиваемого и интерпретируемого, вариантного либо инвариантного, либо индивидуального и ситуативно-контекстного (аспекты, о которых речь не пойдет, но которые можно будет поверхностно и не основательно как-то затронуть).

Итак, *зоопарк*, как характеризующее и оценочное представление, поскольку «О нелепом, смешном, странном внешнем виде или поведении людей» (В.В. Химик), связывается, в первую очередь, будучи переносно-метафорическим употреблением, с *зоопарком* в прямом значении, которое определяется, согласно МАС, как «научно-просветительское учреждение, в котором содержатся и изучаются дикие и некоторые домашние животные», но которое, как уже ранее отмечалось, будучи энциклопедичным, мало подходит к тому представлению, которое существует в сознании говорящих, носителей современного русского языка. В связи с чем, прежде чем пойти далее, имеет смысл это прямое значение в соответствующем отношении, применительно к языковому (впрочем, не только) сознанию, несколько прояснить.

Порассуждаем на эту тему. Зоопарк – это место, в городе, обычно не в центре, занимающее определенную территорию, огороженное, открытое в течение дня, предполагающее плату за вход, где животные, в основном и в первую очередь, дикие и экзотические, содержатся в помещениях, а также в вольерах и клетках, доступные к обозрению посетителями. То есть это место, с точки зрения приходящей публики, развлекательное, доставляющее удовольствие от лицезрения и знакомства с животными, с которыми непосредственно и вживую человек, как правило, не имеет контакта, а потому вызывающее интерес, удовлетворяя, если не любознательность, то любопытство. Как место, предполагающее возможность такого контакта, оно имеет, в том числе, если не в первую очередь, познавательно-обучающий и воспитательный смысл, а потому может служить хорошим средством такого, наглядно реализуемого к тому же, воздействия на детей, почему их туда часто водят.

Отражается ли все это сказанное в том представлении, которое сформировано в том, что «нелепо, смешно, странно во внешнем виде и поведении»? Применительно к животным нет или сомнительно и нерелевантно. Применительно к людям да, но через метафорический перенос с животного на человека. То есть речь идет о привычном использовании зоонимов, обозначений животных, для соответствующей характеристики человека, что находит свое регулярное отражение в языке. *Зоопарком* обозначается то, что имеет свое выражение в человеке, но не отдельном и собственном представителе, а применительно к группе людей. В определении в словаре В.В. Химика ничего не говорится о группе. «О нелепом, смешном странном внешнем виде или поведении людей» может выглядеть и пониматься как

характеристика разных, равно как и отдельных, людей, не обязательно собранных вместе. В подобном определении нет представления о множестве, т.е. об определенном образом представляемой группе лиц⁵. Нет его и оно никак не выводится из приводимых в словарной статье иллюстративных примеров, что позволяет считать, что словом этим в современном употреблении в разговорной речи (языке) определяется, может определяться, не только и даже не столько группа каким-то образом представляемых и характеризующихся лиц, сколько в том числе и отдельные представители.

Приведем для ясности тот иллюстративный материал, который дается в его словарной статье, одновременно ограничившись этим. Поскольку если имеются и такое определение, и к нему иллюстрации, выводимый из *зоопарка* прямого значения признак совокупной множественности собранных в одном месте животных-людей, людей как животных, ведущих себя как животные и похожих в чем-то на них, не является признаком обязательным:

Главный зашел попрощаться. Вован напрягся... Но дедушка сказал только: «Вам, молодой человек, потом будет стыдно» – и почапал себе пешим строем. Чистый зоопарк, блин. Б. Акунин. Сказки для идиотов. В витрине за стеклом улыбается потасканная тучная негритянка. Жир свисает с нее складками, она ковыряет в ухе. – Обрати внимание на этот зоопарк, – говорит Гера. ... В. Печерский. Немецкий омнибус.

В первом примере контекст не подсказывает, относится ли используемая оценочная негативно заряженная, неодобрительно-пренебрежительная характеристика к почапавшему себе пешим строем дедушке или к чему-то, кому-то другому. Если к нему, то указанную в определении нелепость и смешной странный вид можно относить к его старческим и, возможно, чудаковатым, связанным с возрастом, проявлениям. Человек в слегка из ума выжившем возрастном состоянии начинает вести себя как уже не вполне человек, как животное из зоопарка, “сбежавшее” из зоопарка (человек-зоопарк, ходячий, “чапающий себе по-своему” зоопарк; ср. несколько сходную в метафорическом отношении модель оценочного определения *артист (артистка) из погорелого театра* и сюда же *ходячий театр (комедии), передвижной цирк (да и только), кино (просто кино, с ним и в кино не надо ходить)* и т.п. – об одном человеке). Второй пример, в свою оче-

⁵ В отношении общего “функционального” места и/или времени, следовало бы добавить, т.е. это было бы нечто, определяемое О.Н. Ляшевской как совокупность: «Такой класс не содержит конечное количество элементов, но про каждую единицу можно сказать, относится она к данному классу или нет. Отнесение нескольких предметов к совокупности означает наличие у них общих признаков.» (О.Н. Ляшевская: *Семантика русского числа...*, с. 162.)

редь, не оставляет сомнений. Словом *зоопарк* характеризуется неприятно отталкивающий внешний вид и манера поведения, свидетельствующая о недостатке культуры, но в отношении одного таким образом негативно оцениваемого лица. Из чего прямо следует вывод, что ожидаемого обозначения группы, собрания, сборища странных своим поведением и внешним видом лиц в отношении приводимых употреблений не наблюдается.

Зоопарком, следовательно, может быть названо в разговорной речи (современном разговорном языке) лицо, вызывающее впечатление о зоопарке, ведущее и/или выглядящее так, как животные (либо животное, но без уточнения, какое) в зоопарке – в клетке, в вольере, выставленное напоказ, проявляя в своем поведении, манере держаться, манере ходить, в одежде, во внешнем виде, в комплекции, физиономии и т.п. “животное” свойство и сходство. Одно дело, скажем, о таком человеке, к примеру, сказать *обезьяна (в клетке), обезьяна из зоопарка*, а также *мартышка, макака, павиан, горилла* или какой-нибудь *крокодил, тапир, бегемот*. И другое дело совсем – *зоопарк, чистый, настоящий, этот, просто, истинный*. В первом случае, без различий и уточнений, обособление и необобщенность, конкретизация, не предполагают и не содержат признака зрительности, демонстрирования, указания, дейктичной выставленности напоказ, доступности обозрению и всеобщему осмеянию, всех тех, кто присутствует как пришедшая публика, собравшаяся, чтобы увидеть и, любопытствуя, наблюдать. Признака, скажем так, ‘публичной присутствующей зрительности’ в отношении характеризуемого словом объекта. Характеризующий, оценивающий акцент падает на отдельность нелепым образом себя проявляющего субъекта-лица, как экземпляра, т.е. на его эту самую ‘экземплярность’, имея в мысли «смотри, что за уникум». Во втором случае, при назывании его *зоопарком*, его эта самая уникумность не то, что снимается, но приобретает публичный, доступный всеобщему обозрению и осмеянию, а потому, скорее и более, обобщенно, а не индивидуально характеризующий оттенок и призыв.

Тем самым, модель вероятного переноса с прямого значения будет строиться на основе уподобления внешнего вида и поведения человека внешнему виду и поведению животного в зоопарке, а поскольку там, то доступного для обозрения и оценки со стороны любого присутствующего и не только присутствующего лица, как потенциального посетителя этого самого им представляемого собой “зоопарка”. «Человек = животное в зоопарке = зоопарк», тем самым, проявляет себя в объединяемых в единое целое признаках ‘внешне объявляющая себя нелепость, предоставляемая на всеобщее обозрение, являющаяся объектом публичной оценочной характеристики’.

Подобное представление, в принципе, мало укладывается в привычную в подобных случаях метонимизацию, которая строилась бы на осно-

вании животное в зоопарке как представитель всего зоопарка, одно как обобщенное наименование целого, типа хрестоматийного пушкинского из «Полтавы» *Швед, русский колет рубит, режет*. В представленном переносе видится что-то другое, какой-то иной ментально-логический механизм, появившийся, может не появившийся, но развившийся и ставший довольно активным в последнее время. Зоопарком, и это важно для разбираемого случая, называется человек, который, напоминая животное в зоопарке, ассоциируясь с ним, является не представителем этого самого зоопарка в своем “животном” (при этом это не животное начало в нем, но он сам такое животное), но ‘зоопарком’ в себе самом. Он представляет собой зоопарк, является зоопарком, потому что так себя проявляет, так выглядит и так себя при этом ведет. На него можно смотреть как на зоопарк и видеть в нем зоопарк, поскольку, видя его, мы присутствуем в зоопарке. Не будучи метонимией, такой манипулятивно-логический, обрабатывающий прием можно определять как ассоциативное сжатие, семантическое сгущение, ведущее к опущению, пропуску возможных логических опосредующих. Это своего рода логический по своему характеру перескок: «вижу человека, похожего на животное в зоопарке, – просто умора, ну зоопарк!»

Отмеченный механизм смыслового сгущения, или сжатия, предполагающего такое отбрасывание необходимых признаков, которое свидетельствует о пренебрежении ими (трудно в этом случае говорить о нейтрализации и опущении, при которых признаки, замечаясь и воспринимаясь, намеренно опускаются, здесь же они, не отражаясь, не видятся), подобный механизм, характеризующий особенности современного речевого употребления, сниженного и экспрессивного, позволяет говорить о компрессии как способе образования, появления нового на основе прежних, имеющихся единиц и ресурсов⁶. Если сравнить представление о *зверинце*, в его переносном значении определявшимся в ТСУ (1935), при котором на первом месте стояло в такой дефиниции слово *сборище* людей, потерявших подобию и т.д., то очевидный сдвиг в сторону невосприятия данного признака в *зоопарке* современного разговорного экспрессивного значения становится несомненным. В разговорном языке (речи) второй половины XX века, как свидетельствуют приводившиеся перед этим примеры (*Устроили тут зоопарк. Смотрю на них как на зоопарк.*), утраченный позже семантический признак множественности, числа еще наблюдался.

⁶ Нечто подобное отмечается исследователями в словообразовании. Способы подобного рода определяются как междусловное наложение, телескопия, чересступенчатость и т.п. См., напр.: И.С. Улуханов: *Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация*. Москва 1996, с. 52–53; Т.Р. Тимошенко: *Телескопия в словообразовательной системе современного английского языка*. Дис. ... канд. филол. наук. Киев 1975; Н.С. Валгина: *Актуальные процессы в современном русском языке*. Москва 2003, с. 144.

Компрессия и экспрессивно-концептуальные ходы движения от прямого значения к переносным

О компрессии, видимо, следует говорить, но, возможно, другого типа и, возможно, не только о ней, исходя из того материала, который содержит уже не столько разговорный, в какой-то мере все еще литературный, язык, сколько также общеупотребительный (более или менее) и разговорный, но не вполне или вовсе не литературный язык, получивший распространение в языке последних нескольких десятилетий и определяющийся то как *городское арго* (по предложению и с теоретическим обоснованием В.С. Елистратова⁷), то, что было бы, может быть, более верным, как *сленг*. Не будем входить в теоретические и практические аспекты данного языка и его определения, поскольку это не связано с нашей задачей. Рассмотрим то, что для него характерно, с одной только интересующей нас стороны – способа восприятия и представления (концептуального включения, скажем так, и обработки), на примере определяемого *зоопарка*, объектов реальной действительности с целью использования их при назывании чего-то, помимо них, но на их основе, другого. То есть с позиций семантической деривации и, не обязательно и не только метафорического, переноса, продолжая, тем самым, развитие и углубление темы сохранения, претворения, передачи и/или утраты семантических признаков прямого и первого к значениям дальнейшим, или последующим. Намеченная тенденция, выражающая себя в переносных значениях лексемы *зверинец* (на месте которой можно представить также и *зоопарк*) разговорного языка первой половины XX века (материал ТСУ) – *зоопарк* такого же разговорного языка второй половины XX века (материал приведенных устойчивых выражений и фраз) – *зоопарк* экспрессивно-сниженного разговорного словоупотребления (материал словаря В.В. Химика), – эта тенденция получает далее свое продолжение в языке «современного русского города», который представлен в цитирувавшемся ранее словаре и, как арго, или сленг, в словаре В.С. Елистратова⁸. В этом последнем интересующая нас лексема и связанные с ней выражения толкуются следующим образом:

ЗООПАРК, -а, м. Шум, неразбериха, беспорядок, бардак.
Какие новости из зоопарка? – как дела?

⁷ В.С. Елистратов: *Арго и культура* [в:] В.С. Елистратов: *Словарь русского арго (материалы 1980–1990-х гг.)*. Москва 2000, с. 574–692.

⁸ В.С. Елистратов: *Словарь русского арго...*

Что нового в жизни зоопарка? – как дела? что нового?
Питомец зоопарка – глупый, тупой человек.

По сравнению с этим приводившееся ранее толкование в «Словаре современного русского города» (*зоопарк* ‘беспорядок’) выглядит как такое, которое из широкого спектра неопределенно множественных употреблений, что необходимо считать характерным для жаргонно-сленговых языков, определяемых нередко термином *социолекты*, выбирает, сужая, что-то одно, как общепринятое и определенное. Процесс, который отчасти можно воспринимать как “прояснение” лексического значения или в целом лексемной семантики. Воспринимать, но не объяснять, поскольку движение от социолекта, сленга или жаргона, к сниженно-разговорным сферам и формам общеупотребительной речи в этом не заключается. Это может быть равным образом выбор из нескольких вероятных лексических употреблений, и тогда это не прояснение: разговорный язык отбирает что-то одно, не замечая, не придавая значения, внешне “отбрасывая” все остальное. И это может быть прояснение, которое предполагает, что неопределенная, не вполне ясная, экспрессивно размытая семантика употреблений лексемы, предполагающая и допускающая как обозначение того, другого и третьего в разных контекстах и ситуациях, так и всего этого в каких-то случаях одновременно, в общеразговорном сниженно-экспрессивном, близком жаргону и сленгу, речевом проявлении (о котором речь) будет что-то из этой одновременности воспринимать, нейтрализуя и погашая все остальное.

На конкретном примере *зоопарком* в сленге (городском аргю в понимании В.С. Елистратова) называется нечто, поддающееся представлению о шум, неразбериха, беспорядок, бардак, укладываемое в него. Теоретически как *зоопарк* может быть определено отдельно и шум, и неразбериха, и беспорядок, и какой-то бардак. Теоретически, поскольку в сленговом употреблении, как правило, все это выглядит, воспринимается и, соответственно, концептуально передается не расчлененно. Сленг, предполагая экспрессию, отношение, в ряде случаев не разграничивает в семантике, что именно и что конкретно, предполагаясь, имелось в виду. Собственно в этом и состоит его номинативная игровая особенность. «Словарь современного русского города», в свою очередь, объясняя все тот же сленговый по своему характеру и происхождению *зоопарк*, отмечает в его значении ‘беспорядок’, опуская все остальное, и приводимый пример о таком беспорядке в квартире (дома), предполагающем необходимость “убраться” может быть понят определенно и однозначно. Речь идет ни о чем другом, как о разбросанных по дому вещах, не прибранном мусоре, пыли и пр. Иными словами, это никак ни шум, ни неразбериха, а помимо беспорядка, разве что то, что может быть определено как *бардак*, который также неод-

нозначен и в одном из своих значений под подобное представление вполне подходит. Остановимся, однако, на этом в характеристике сленговых и околосленговых употреблений, поскольку нас все это интересует, как уже говорилось, лишь с одной стороны – концептуального механизма перехода от первого и прямого значения к возможным последующим.

Что остается от *зоопарка* в его прямом значении при таком переходе? Идет ли это движение как развитие прежде имевшегося в *зоопарке* разговорного языка второй половины XX века или же представляет самостоятельный, не связанный с этим значением, умственно-экспрессивный ход? Что будет первым – узкое представление о беспорядке (скажем, в квартире, но, видимо, не только в ней), и тогда какой это может быть беспорядок, который можно назвать *зоопарком*, поскольку, скорее всего, не всякий? Или неопределенно размытое, то ли одновременное, то ли все же раздельное, представление о том, что у В.С. Елистратова обозначено каким-то рядом, определяемым в виде ,шум, неразбериха, беспорядок, бардак'?

Несколько забегаая вперед, следовало бы сказать, что трудно, если возможно, более или менее однозначно ответить на эти вопросы, в силу, прежде всего, самих особенностей перебираемых, экспрессивных по своему характеру, не нормируемых и открыто-свободных, “гуляющих” в собственных словоупотреблениях языков, но и не в этом состояла бы наша задача. Вопросы эти были поставлены для того, чтобы обратить внимание не на то, что действительно есть и имеется в этих сленговых и околосленговых языках (тем более, что о том, что в них действительно есть и имеется вряд ли возможно судить, сам подобный вопрос некорректен), а на то, каким может быть ход, движение номинативной “мысли”, приводящей к тому либо другому в самой номинации разрешению. Иными словами, на то, какой вероятный комплекс внутренне ощущаемых в воспринимаемом и умственно переживаемом “образе” ,зоопарк' имеется, существует в сознании, который предполагает и разрешает себя в таком, а не каком-то другом означении.

К этому следовало бы добавить, что этот внутренний “образ” должен быть согласуемым с “образом” называемого – тем, что определяется как ,шум, неразбериха, беспорядок, бардак' (у Елистратова) или только как ,беспорядок' (в «Словаре современного русского города»). Что это может быть, какой такой ,шум, неразбериха, беспорядок, бардак' или один ,беспорядок', потому что все же, как представляется, не любой? ,Шум, неразбериха, беспорядок, бардак', отображаемые номинативно как *зоопарк*, не любые и всякие шум, неразбериха, беспорядок, бардак, а такие, которые “образно” согласуются с существующем представлением о зоопарке (которое нас и будет интересовать).

Несколько забегаая еще раз вперед, а точнее, в сторону, следовало бы сказать, что толковые словари, а тем более те, которые касаются лексики

ненормативной и экспрессивной, что вполне понятно и объяснимо, далеко не всегда способны достаточно ясно передавать тот смысл, который себя отражает в употреблении. Иными словами, читая словарную дефиницию, даже сопровождаемую иллюстративным материалом, не зная специально и хорошо, не всегда возможно решить для себя вопрос, когда и как уместно и хорошо использовать в речи, не промахнувшись, то или иное слово. Словари дают ответ на вопрос о том, что значит то или иное слово, точнее, что оно может в каком-то случае обозначать, а не о том, как и в каком контексте следует и возможно данное слово употребить. Кого и когда, обращаясь к примеру, можно, скажем, назвать *безобразником*, а кого и когда *сорванцом*, кого и когда *негодяем*, а кого и когда *мерзавцем*? Всегда ли это одно и то же, и только одну экспрессию неодобрения, неудовольствия и осуждения передает? Разумным ответом видится ответ негативный.

Не отвечая на эти вопросы, как уже было сказано, и не ставя перед собой задачи давать словарные дефиниции определяемого нами в рассматриваемом ключе в его переносных значениях *зоопарка*, обратимся к тому, каким может и должен быть представляемым, “видимым”, для сознания и в сознании ‘зоопарк’, чтобы служить обозначением той самой неразберихи и беспорядка, и каких именно, если это возможно себе представить, из ряда других беспорядков и неразберих. Общее и возможное как наиболее принятое, распространенное и не заряженное представление о зоопарке нами ранее было уже дано (Зоопарк – это место, в городе, обычно не в центре, занимающее определенную территорию, огороженное, открытое в течение дня... и т.п.).

В указанном представлении практически ничего невозможно найти из того, что бы себя отразило в идее возможного беспорядка и неразберихи. Из чего следует необходимость его развития и уточнения, но уже не в концептуально-логическом, предметно-пространственном, ознакомительно-энциклопедическом и дефинирующем отношении, с характеризующим представлением типа и вида объекта, отличающим его от других, а перцептивным. С рецепторной позиции, скажем так, наблюдателя, с точки зрения того, что и как он видит и слышит (ему слышится-видится), воспринимая зоопарк как объект, обладающий собственными, отбираемыми его органами чувств, для него характерно-типичными свойствами. Зоопарк в этом смысле и отношении предстает как сигнализирующий, заявляющий о себе “раздражитель”, соответствующим, “раздражающим”, образом действующий на перцептивную сферу субъекта. И тогда зоопарк будет местом, где сидящие по своим клеткам звери (будучи собраны в это место и в нем по разным участкам размещены) “шумят”, издавая громкие, резкие, непривычные многообразные звуки, определяемые как мычание, рык, ворчание, урчание, бурчание, мурчание, мяуканье, визг, вой, писк, хохот, клекот, гогот, порсканье, плесканье, теньканье, треньканье, лязга-

ные, скрип, скрежет, шуршанье, шипение и т.д., и т.п. Всего очень много, по-разному воплощаемого и не поддающегося общему определению. При этом, если внутренне перейти от аудиального восприятия к визуальному (для сознания часто неразложимому), сопровождается все это и “наблюдается”, ощущается, в виде метания в клетках, скакания, прыганья, беготни, лягания, царапания, шарахания, дерганья, маханий, драк и пр., что, также не поддаваясь единому представлению, воспринимается как неразбериха, а отсюда и беспорядок, а с этим, за этим бардак.

Восприятие объекта и возможное экспрессивное представление о нем как основа деривативной “образности”

Признаками обобщения данного перцептивного “образа” были бы, следовательно, а) собранная распределенность в едином пространственно организованном месте (звери по клеткам и в клетках, вольерах, по разным участкам, местам и рядам) б) большого неорганизованного, поскольку не однообразного, многообразного в видах и формах, числа в) представителей не человеческого, поскольку животного, а потому неуправляемого, дикого мира, не подчиняющегося общественному порядку и не знакомого с необходимостью соблюдения норм г) в поведении, выражающем, обнаруживающем себя аудиально и визуально как раздражающий “шум” и не поддающиеся определению “неразбериха” и “беспорядок”.

Зоопарком, следовательно, исходя из представленного, а потому скорее теоретически, при таком восприятии можно было бы называть такие, шум, неразбериху и беспорядок-бардак', которые предполагают 'собранность в одном месте чего-то многообразного, раздражающе действующего избыточным своим проявлением (поведением, расположением и т.п.) на восприятие, прежде всего, если не в основном, на вид и/или на слух'.

Данное определение подходило бы и к представлению в «Словаре современного русского города» *зоопарка* как 'беспорядка', ограничиваясь визуально-статическим, скажем так, восприятием разбросанных по комнатам там и тут, не на местах своих, в неорганизованно-неупорядоченном, нормативно нарушенном своей “дикостью” и “бескультурьем”, нечистых и пыльных предметов, полупредметов, негодных предметов (определяемых терминами *мусор* и *хлам*).

Как следует из представленных характеристик, все это не слишком укладывается в продолжение и развитие “мысленной” темы того *зоопар-*

ка, которая себя обнаруживала в разговорно-экспрессивных переносных значениях, отраженных в словарях ТСУ и В.В. Химика и в языке второй половины XX века. Данное восприятие, следовательно, необходимо рассматривать как, если не новое, то самостоятельное. Наборы признаков, в каждом из этих, “эволюционных” отчасти, поскольку фиксируемых (если не бытующих) в разном времени, проявлений единой лексемы, не совпадая между собой, обнаруживают способность (интересующую нас в первую очередь) воспринимаемого образа оборачиваться и представляться по-разному, разными акцентуруемыми своими аспектами и сторонами.

Продолжением и развитием темы в типично оценочном, характерном для городского сленга, ключе можно считать приводимые в словаре В.С. Елистратова идиоматические выражения с *зоопарком* в своем составе. Начнем с последнего, наиболее полно и точно передающего определяемый смысл: *Питомец зоопарка* как характеристика глупого человека. Можно было бы трактовать это как представление о человеке как о животном, умственно недоразвитом и отсталом по сравнению с другими, если бы не то обстоятельство, что чаще это не характеристика этих самых способностей, сколько оценочное определение того, кто не вписывается, не поддается имеющемуся, одобряемому и коллективно поддерживаемому (с позиции *своих* как носителей сленга) мнению о том, каким следует быть, как себя проявлять и вести. Это также оценка неодобрения говорящим каких-либо действий и форм со стороны кого-либо, при этом не обязательно постороннего, этот кто-то может быть и своим, которые воспринимаются им как мешающие, создающие неудобства, вносящие нарушения и разлад. Иными словами, это характеристика все тех же ‘неразберихи’ и ‘беспорядка’, понимаемых и оцениваемых субъективно, однако с позиций своей социально-ментальной группы, т.е. тех, к кому говорящий себя причисляет с точки зрения принадлежности по показателям, прежде всего, системы ценностей, общих занятий, увлечений и интересов. ‘Зоопарк’ в этом случае становится (с добавлением к этому двух других выражений *Какие новости из зоопарка?* – как дела? и *Что нового в жизни зоопарка?* – как дела? что нового?) ‘местом совместного вынужденного существования, где все и всё вокруг оставляют желать много лучшего, представляя собой мир так называемой тупизны, без здравого смысла и понимания’. Говоря иными словами, обобщенным образом всего окружающего. Набор перечисленных ранее в пунктах (а, б, в и г) признаков, следовательно, остается тем же самым, меняя характер своего референта: всё и все вокруг в этом мире, в том мире, в котором мы все находимся и живем, имея в виду, прежде всего, непосредственно близкое окружение, но также и всё остальное, как его проявление и данный для восприятия и проживания в нем экзистенциальный, бытийный фрагмент. ‘Зоопарк’ при таком понимании становится обобщенным образом человеческого существования

и человеческого существа, оцениваясь с позиций неразберихи, беспорядка и бардака, как место, где все сидящие в неопределенно большом количестве по вольерам и клеткам производят одни только хаотические движения и бессмысленный невообразимый галдеж и шум.

Если бы приходилось оценивать его (такой ,зоопарк') как являющийся спящему в сновидении знак, толкование данного образа предполагало бы нечто похожее, по крайней мере наиболее близкое, предлагаемому в «Соннике» Р.Э. Гилей в значении, отмечаемом ею как другое («хаос»), хотя и первое и основное ее толкование («Связанная либо сдавливаемая звериная природа, звериные страстные желания либо инстинкты») можно отметить как далеко не чуждое. С тем существенным дополнением, что эти связанные и сдавливаемые желания и инстинкты, звериную природу следовало бы интерпретировать в отношении проявляемых, заявляемых о себе, выходящих наружу, а звериность воспринимать как, в первую очередь, умственную недоразвитость и отмеченную ранее тупизну.

Соотношение семантических признаков и характера “образа”, лежащего в основе сленгового словоупотребления, значения сленговой по своей природе лексемы, с толкованием образа в сновидении дает, с одной стороны, возможность раскрыть и увидеть общий для обеих семиотических форм (скажем так) механизм означивания, приписывания, часто не рефлексированного, автоматического, полусознательного, чему-то одному чего-то другого по принципу переноса: окружающее = зоопарк, происходящее = зоопарк, люди = зоопарк. В то время как с другой стороны, позволяет отметить выводимые признаки в характерных для них сочетаниях как не случайные, следующие из отношения к миру, действительности, своему окружению и, через это, к себе самому. Отношения интерпретативно-оценивающего по своей изначальной природе, позволяющего одновременно говорить о том и другом, переводя объект называния в не его сферу, обобщенного, непрямого и, в первую очередь, сенситивного представления. Нечто такое, будучи таким и таким, не обозначаясь прямо, не характеризуясь так-то и так, в его объявляемых признаках, ощущаясь как если бы было тем-то и тем, воспринимаясь в для этого второго свойственном рецепторном и перцептивном ключе, позволяет сенсорно и чувственно все это в образе передать, “пережить” сознанием, не обязательно осознавая, а тем самым, и не задевая, не “раня” его.

Отмечаемую многими после З. Фрейда, если не всеми, вытесняюще-терапевтическую, подсказывающую, наводящую роль сновидений можно интерпретировать, таким образом, в нечто подобное, если не прямо с ней совпадающее по виду и механизму, в отношении “языков”, понимая под ними способ репрезентативно-сигнализирующего, не уточняемого и не вполне ясного, а потому избегающего прямого и “ранящего” обозначения. “Языков” систем, необходимо добавить, возникающих и развивающихся на

основе исходного, т.е. общего и нейтрального национального языка, называемых потому вторичными (в семиотике) по отношению к нему как к первичной системе⁹. Понятие вторичности, точнее было бы говорить репрезентативности, можно расширить и применить и к первичной системе в отношении всех возможных в ней переносов и производных, как свойственный ей и ее характеризующий, определяющий деривативный, последовательно себя проявляющий, механизм.

Ощущение как основа определенного типа и вида лексических переносов

В данном случае, следовало бы добавить и уточнить, речь идет об одном лишь, определенного типа дериватов к тому же, аспекте (в основе которых лежит претворяющий то и другое во что-то третье репродуцирующий образ), который можно и следует воспринимать как аспект сенситивного по своей природе обозначения, следующего из толчка, приходящего в голову импульса, мысли, вызванной ощущаемым в данный момент переживанием: «Черт возьми! Чувствую себя с ними как в зоопарке.» После чего и само переживание, и самая эта мысль уйдут, а ,зоопарк' как впечатливший то и другое номинативный образ-обозначение останется. «Чувствую себя с ними (с ним), как если бы бредили (бредил), как если бы были в бреду» – это *бред*. «Чувствую себя с ними в аквариуме, я как в аквариуме», и это *аквариум*. «Чувствую себя как в тюрьме» – и *тюрьма*, и т.д. Основу подобных переносов и наименований нередко дает, составляя их, переживаемое в проявляющем положении данного состояния ощущение.

Небезынтересными и показательными в определенном смысле могут быть переносы, которые, в силу ограниченности порождающего их “языка”, как вторичной системы и социолекта, не могут быть отнесены к обобщенно воспринимаемому и действующим, в большей или меньшей степени, на основе каких-то общепсихологических механизмов, связанных с восприятием окружающего в каком-либо ценностном, когнитивно-оценивающем ключе. Не вдаваясь в подробности, скорее и в первую очередь, теоретического характера, способные объяснить, чем существенно отличается вид и образ производимого переноса в тех “языках”, которые следует относить к разряду, если не общеупотребительных (разговорный язык, сниженно-разговорный его регистр, городской сленг, из тех, что были предметом нашего рассмотрения), то, по крайней мере, не ограничиваемых в составе

⁹ В традиции московско-тартуской школы.

своих носителей, от вида и образа переноса в языках социального ограничения, имеет смысл обратить внимание на следующее. Ограниченность социолектов, которая себя проявляет в интересующем нас отношении, следует не из социумной их природы (ограниченный круг говорящих), а из природы предметно-тематической. Круг называемого, чаще и прежде всего, предметен и сведен тематически к области непосредственно проявляемой деятельности. Социолектами пользуются в определенных условиях, и характерные для них номинативные единицы, привязываясь к этим условиям, обозначая нередко что-то определенное и конкретное, не имея эквивалентов в общеупотребительном языке, не проявляют тенденции нечто общее и не конкретно привязанное обозначать. Тем самым, для представления интересующего нас предмета, трудно было бы, если вообще возможно, говорить в их связи об "образе", лежащем в основе каких-то чувственных объявлений. Точнее, можно было бы, с оговорками, говорить, но это был бы образ какой-то двойной и смещенной природы.

Отойдем теперь от рассуждений и попробуем сказанное показать на примерах. Словарь молодежного сленга Т.Г. Никитиной¹⁰ содержит в отношении разбираемого нами слова такую статью:

ЗООПАРК, -а, м. 1. Гом. Сквер у Большого театра в Москве – место встреч гомосексуалистов. Кз., 49. 2. шутол. Комп. Компьютер, в котором несколько вирусов. Садошенко, 1996.

Из чего следует, что оба эти значения, встречаясь в речи современных представителей молодежи, с одной стороны, не обязательно могут или должны быть известны всем молодым, прибегающим к сленгу (для не живущих в Москве первое значение не актуально, так же как второе для тех, кто не строит из себя компьютерного эксперта-псевдопрофессионала), а тем самым, в сленге уже предметно и тематически ограничены. В то время как с другой стороны, объявляя себя в языке молодежи соответствующим образом, языку этому, собственно, не принадлежат, представляя собой включения и использования (не заимствования) из, соответственно, речи (арго) гомосексуальной субкультуры, относясь к этому их языку, и из речи (жаргона, профессионального жаргона) компьютерщиков. Иными словами, это не что иное, как единицы не молодежного сленга (в котором могут быть самые разные единицы из "ограниченных" языков, и в этом его особенность как языка молодежи), а, в первом случае, определенного субкультурного социолекта (социального жаргона, арго), во втором же определенного про-

¹⁰ Т.Г. Никитина: *Молодежный сленг: Толковый словарь*. Москва 2003. Указанные ею источники при значениях обозначают: Кз. – В. Козловский: *Арго русской гомосексуальной субкультуры: Материалы к изучению*. New York 1986; Садошенко – Д. Садошенко: *Computer Slang Dictionary. Version 1451*. Dnepropietrovsk 1996. // 2:464/2000. 16@fidonet. 1996.

фессиолекта, или профессионального жаргона. Не будем заниматься уточнением понятий и терминов, различно интерпретируемых и понимаемых, достаточно видеть в том и другом языке ограниченного употребления, предметно и тематически в первую очередь.

Интересовать нас будет вопрос, что стоит за представлением такого-то и такого сквера в Москве, т.е. единственного в своем роде и определенно-го, имеющего название, воспринимаемое и понимаемое всеми как его имя собственное, не просто как-нибудь там, а как 'зоопарка', с помощью слова, номинативно ему соответствующего и прямо к нему относящего. Так же как, с другой стороны, почему и в связи с чем, по каким основаниям, компьютер, наделенный определенными признаками (вирусами), называется, и к тому же шутливо, по замечанию автора словаря, *зоопарком*? Скорее, не шутливо, поскольку шутливость профессиолектам не свойственна, а насмешливо-иронически, а потому фамильярно-пренебрежительно, объявляя экспертно-небрежную снисходительно-профессиональную осведомленность, рубашность, знакомство и панибратство с объектом, который свой в доску, с которым все вдоль и поперек и с которым его "хозяин" не как-нибудь там, а на «ты». Сопровождающее сенситивное и эмотивное по природе своей отношение, которое применительно к разбираемому не безразлично.

Начнем с этого первого. Сквер у Большого театра в Москве (бывшая площадь Свердлова) называется так не потому, что он сквер у Большого театра, какими-то признаками соответствующим образом наделенный и отличающийся этим от остальных, а потому что это известное место встреч гомосексуалистов (трудно сказать, не зная точно, обоих полов или только мужского пола, поскольку слово *гомосексуалист* закрепилось прочно, в первую очередь, за вторыми). Иными словами, важно исходно не то, что это сквер у Большого театра, единственный такой сквер в Москве, и даже не то, что это сквер, а не что-то другое. Важно, что это место встреч гомосексуалистов, по-видимому, следовало бы добавить, не единственное такое место в Москве, в связи с чем возникает вопрос, почему именно он, этот сквер, называется *зоопарком*? Называется *зоопарком*, продолжим развитие мысли, самими гомосексуалистами как участвующими и задействованными в соответствующей жизненной деятельности, предполагающей встречи, как заранее оговоренные, так и нет, т.е. знакомства, не оговариваемые, а потому открывающие новое, увлекающие и познавательные? Или, что может быть в принципе не исключено, *зоопарком* сквер этот называется теми, кто к данной субкультуре не принадлежит, не является ее представителем и относится, может к ней относиться, как-то, если и без предубеждения, то, по крайней мере, дистанцируясь и со стороны либо сочувственно и (или) снисходительно. Или, что может быть третьим, *зоопарком* данный сквер первоначально назывался в речи гомосексуалистов (может быть,

и продолжает ими так называться, но наряду с другими возможными обозначениями либо без них), перейдя затем от них в молодежную речь, став единицей молодежного сленга. Трудно представить, не зная, в каких контекстах и как уместным было бы видеть употребление данного слова, и в речи кого, чтобы лучше его в семантических и коннотирующих проявлениях увидеть, почувствовать и понять, а потому придется от этого, важного для представления, параметра и критерия отказаться.

Предположительно, как наиболее вероятное разрешение вопроса, можно было бы полагать, что, пусть даже только первоначально, а потом и в молодежном сленге, *зоопарком* сквер перед Большим театром в Москве как место встреч гомосексуалистов, назывался самими гомосексуалистами. Предполагаемый “образ” такого обозначения можно увидеть в том, что 1) встречающиеся там либо находящиеся там для знакомства и договоренных встреч в определенное время (скорее всего, возможно и то, и другое) лица представляют собой довольно пеструю, чтобы не сказать экстравагантную, публику, с точки зрения одежды, причесок, внешнего вида и поведения, т.е. подходят под определение, укладываемое в представление *цирка*, или “собрания разных зверей” (сюда же *ковчег*, где для смеху, как правило, иронически говорится о *каждой твари по паре* с мыслью о необычности и неповторимости каждой и каждого, сюда же, в таком же насмешливо-карикатурном, возможно, и ироническом представлении *музей друзей* и т.д.); 2) все это необычное обзаведение, “интересная публика”, располагается в сквере по разным местам, рядам, со скамейками, ступеньками, парапетами и т.п., так, как это себя разрешает и в зоопарке с его аллеями, клетками, павильонами и вольерами; 3) с целью себя демонстрировать, выставлять напоказ, *светётся*, как говорится в подобных случаях.

Тем самым, три перечисленных признака – экстравагантная необычность, мирабельность¹¹ (назовем это как-нибудь так), характер расположения, расставленность (дислокативность¹²) и экспозитивность – связывают описываемый объект в его отношении к находящимся там с зоопарком. Другой какой-то подобный объект мог бы не отвечать в такой мере всем этим признакам, но даже не это важно для номинации, важна его конвенциональность, приписываемая данным социумом связанность: *зоопарком* пусть будет то-то и то-то, потому что у всех на виду, потому что в центре, потому что известно более других и, тем самым, выделяется на фоне возможных других. К перечисленным трем признакам по этой причине следовало бы добавить еще и то, что зоопарк, обычно и как правило, в городе

¹¹ Лат. *mirabilis* 1) странный; 2) удивительный, изумительный, замечательный, необыкновенный; от *miror, miratus sum* 1) дивиться, удивляться, поражаться; 2) задаваться вопросом, недоумевать, спрашивать, желать знать; 3) с удивлением осматривать, любоваться, восхищаться.

¹² Лат. *disloco, diclocatum* ‘расставлять, размещать’.

только один и получает название по городу (*Московский зоопарк* – и все знают, о чем идет речь), т.е. его, в конечном итоге, оппидативную¹³ (данного города, местности, места, в его представляемых границах) сингулятивность. Этот последний признак непосредственно связывает описываемое название с индивидуальным объектом – сквером у Большого театра в Москве, как единственное такое место (пространственный сингулятив) в городе (оппидативность).

О трех составляющих репродуктивного образа

Из всего этого складывается тот образ для ‚зоопарка‘, который ложится в основу подобного о нем представления – в конфигуративной позиции расположения, расставленности по местам всех тех, кто находится, пребывает в нем как субъекты и/или объекты участвующего знакомства и изучения; в сенситивной, поскольку чувственно, в ощущениях, воспринимаемых, его необычности, экстравагантности, выставляемости напоказ находящихся там для знакомства и встреч и в эмотиве (те же признаки, что и для сенситива, но с поворотом не к ощущениям, а к знаниям, сведениям, с добавлением к этому оппидативной сингулятивности, которая, как ощущение и чувство, себя проявляет также и сенситивно).

Три составляющих образа, воспринимаясь как три стороны единого, в признаках не представляется возможным разделить. Признаки того, другого и третьего общие, оборачиваемые к восприятию 1) внешнего (структуры и формы объекта); 2) его ощущению чувством и отношением, полусознанием, несознанием как к “чувствуемому” объекту в себе, включаемому в субъектную сферу «я» и 3) к существующему, имеющемуся представлению о нем, основываемому, как правило, на социально обусловленных и освоенных знаниях (следствие интериоризации и ее отпечаток в сознании, рефлекслируемые и видимые “следы” этих знаний для «я»).

‚Зоопарк‘ при таком представлении оказывается местом, где можно встретить и познакомиться с необычными и интересными экземплярами, представителями местной (или не только местной) “фауны” (гомосексуальной среды), где они собраны вместе и размещены. Причем это место в определенном смысле единственное, с точки зрения его представительности и вбирающей, втягивающей в себя, “центральности” в городе, а потому об-

¹³ Лат. *oppidum*, i 1) воен. укрепление, укрепленное место; 2) город; 3) *архит.* барьеры в цирке (т.е. то, что огорожено, имеет свои границы как место, отделено от другого и остального барьерами, ограждено).

ладающее своей специфической атмосферой (микроклиматом ,зоопарка'), статусом, значимостью и привлекательностью.

Подобное восприятие можно соотнести лишь с одним толкованием образа ,зоопарка' для сновидений, описываемым в «Соннике» М. Купаль, если понимать его в контактнo-обсервативном и познавательном повороте. Однако, если интерпретацию его разбираемого представления («300 Видеть: сообщение о том, что хорошо было бы войти в близкий контакт с животными, наблюдая их поведение, поскольку мы можем многому от них научиться. Они говорят нам, какой способ поведения следует оставить, а к какому стремиться.») видеть в ее основе, то следовало бы сказать, что данный образ, в составе трех его составных частей, можно рассматривать как единый и общий с представленным для ,зоопарка' как места встреч у Большого театра. «Хорошо бы войти в близкий контакт с животными, наблюдая их поведение, поскольку мы можем многому от них научиться» и т.д. по ее словарю предполагает видение зоопарка как «места, где можно встретить и познакомиться с необычными и интересными экземплярами» и т.д., цитируя определение из предшествующего абзаца, и это не что иное, как аттрактивно-познавательный и “обучающий” аспект зоопарка, неотъемлемо свойственный ему из самого его словарного определения как научно-просветительного учреждения, в котором содержатся, демонстрируются и изучаются дикие (и не только) животные. Понимая под “познавательно-обучающим” признаком необходимость идентифицирующей поддержки (со стороны подобных себе других) не всегда уверенных в себе представителей гомосексуальной среды, чувствующих себя нередко вследствие осуждающего давления и неприятия общества “животными” в своем “зоопарке”. Достаточно повернуть соответствующим образом мысль, заложенную в «мы можем многому от них научиться. Они говорят нам, какой способ поведения следует оставить, а к какому стремиться» в следующем из сказанного ключе, и мы получим общий, единый образ того ,зоопарка', который в одном случае “учит” сновидящего во сне, призван его научить, а в другом “научает” (тому же способу поведения) и вводит, контактами, встречами, взаимодействием и общением, в свой защищающий от постороннего мира круг, ограждающий своего рода “клетками и заборами”, вольеров, барьеров, загонов, от любопытствующих наблюдателей, далеко не всегда благодушно настроенных, нередко насмешничающих, не понимающих и издевающихся – посетителей общего и твоего, в данном случае, “зоопарка”.

Тем самым, можно было бы вывести закономерность, касающуюся особенностей представления и отражения репродуктивных образов на примере рассматривавшегося перед тем ,зоопарка':

,Зоопарк' как то, что, обладая признаками мирабельности, дислокативности, экспозитивности, с дополнением вероятной, хотя и не обязатель-

но актуализируемой, оппидативной сингулятивности, и есть не что иное, как определяемый репродуктивный образ. В наборе трех своих составных частей, отобранный из общего, существующего о зоопарке как городском пространственном местообъекте, представления и соответствующим образом для восприятия и отчасти сознания (подсознания) организованный.

Этот образ для спящего в его сновидении объявляется, может так объявляться, в своем для него значении как «сообщение о том, что хорошо было бы войти в близкий контакт с животными, наблюдая их поведение, поскольку...» и т.д. по М. Купаль.

Тот же самый образ для представителей гомосексуальной арго-субкультуры в Москве в своем значении проявляется как «сквер у Большого театра – место встреч».

И то же самое для лица как отдельного человека, с его «я» и в отношении его «его»¹⁴, как индивида и как субъекта, спящего в его сновидении, приснившийся ему зоопарк будет что-то там в его собственной индивидуальности и обусловленности означать, не вполне, может быть, такое, как представляется у М. Купаль, или такое же, но приложенное к себе. Как своеобразное, а может и нет, предцирование общего для других, значения. И все то же самое, но обладающее индивидуальными признаками собственного значения и связанными с ним коннотациями, включающими индивидуальные знания, переживания ситуаций и ассоциации (если таковые имеются), для одного какого-нибудь отдельного представителя гомосексуальной московской среды либо другого кого-нибудь. И все это также будет собой представлять, если не предцирование (предцированием оно становится в речевом высказывании), то что-то вроде семантики словоупотребления, повторяющегося и обладающего для сознания своего носителя закрепленностью и «узуальностью».

Важным для нашей задачи из всего перед этим сказанного будет то, что разбираемый образ рождается из аспекта, набора признаков, извлекаемых из существующих представлений объекта. Признаки эти, складываясь в единый для них конфигуратив-сенситив-эмотив, воспринимаются целостно и отдельно от вероятных других наборов признаков, способных к формированию собственных репродуктивных образов на основе того же объекта. Те и другие признаки разных репродуктивных образов отбираются из общих для них представлений, имеющих в сознании носителей, если не данного языка, то ментальной культуры. Тем самым, разные репродуктивные образы стоят за различными толкованиями ,зоопарка' по словарям сновидений. Равно как и разные они присутствуют в переносных

¹⁴ Между «я» и «его» лица-индивида можно усматривать соотношение самотождества, осознания себя для «я» и субъектной составленной, структурированной сферы психологического для «его».

значениях, рассмотренных ранее на материале ТСУ, языка второй половины XX века, словаря разговорной лексики В.В. Химики, словаря городского арго (В.С. Елистратова и современного русского города), словаря молодежного сленга Т.Г. Никитиной (с пометой Гом.). При том, что между первыми и вторыми – сновиденческими и речевыми, значениями и проявлениями, вполне возможно, и наблюдается некая репродуктивная общность, единый либо сходный набор отбираемых признаков продуцирующего значения “образа” может стоять и нередко стоит, проявляя себя в онейрическом и языковом (речевом) воплощении.

Репродуцирующее представление как основа лексических переносов и сновиденческих образов

Второе, “компьютерное”, значение словаря молодежного сленга Т.Г. Никитиной для *зоопарка* («Компьютер, в котором несколько вирусов») отсылает нас к представлению совершенно иной природы. Из чего, забегая вперед, можно сделать вывод о том, что порождающий и возникающий в представлении образ будет другим, отличным от того, который себя проявлял в отношении первого, по ее словарю, перед этим рассмотренного значения. Отправной позицией данного представления будет то, что вирус в компьютере определяется словом *зверь* (6-е значение данного слова в ее словаре с отсылкой к тому же, что и для *зоопарка* 2-го значения, источнику – Садошенко, 1996). Исходя из этого, движущиеся, бегающие, живущие своей жизнью в компьютере вирусы-звери (не будем входить в детали переноса ‘вирус < зверь’, поскольку это не входит в задачу) в каком-то их “множественном” (вирусов несколько), поскольку не единственном все же, числе, находясь, обитая внутри компьютера, пребывая в нем, а потому за его пределы, заключенные в нем, не выходя, представляют в этих его пределах, для него, соответственно, его ,зоопарк’.

Из чего следуют признаки для разбираемого представления: 1) “звери” – ‘живые’, ‘животные’, ‘дикие’ (поскольку не поддаются контролю и регуляции) ‘существа’ 2) в не единственно-множественном своем числе, 3) собранные и заключенные в одном общем месте. Или, иными словами ‘собранный и замкнутый в одном месте разнообразно-множественный звериный (дикость + животность)’ как общее, с конфигуративом его отношения к компьютеру, воспринимаемому и ощущаемому как “населенный подобной дичью” для сенситива местообъект, и эмотивом в следствиях из

подобного угрожающего, по крайней мере ничего хорошего не сулящего, положения.

Данное представление и репродуцирующий в его основе образ ближе всего к тому, который находит свое отражение в «посещении зверинца» у Г.Х. Миллера с его «множеством неприятностей» и теми «волнениями и дикостями» в связи со зверями в зоопарке, которые описываются у Е.П. Цветкова. Можно предположить, не вдаваясь в детали и уточнения, принципиальное единство их породившего образа с представлениями о зверях как диких, не повинующихся контролю и регуляции существах, собранных в определенном числе в одном, их замыкающем, месте. Отсюда (хотя одной только этой «замыкающей» стороной) возникает сходство данного признака с *Зоопарком* → *Тюрьмой* у М. Кжижостаняк, в целом предполагающим в основе даваемого ей толкования наличие совсем другого репродуктивного образа, вид которого мы не будем здесь разбирать, с тем чтобы не возвращаться в связи с этим к ранее сказанному.

В завершение производимого рассмотрения *зоопарка* в его переносных значениях, развивающихся за границами литературного, а также и общего языка, имеет смысл обратиться к еще одной разновидности ограниченного употребления, также собой представляющей социолект. Речь идет о так называемом (авторами соответствующего словаря) тюремно-лагерно-блатном жаргоне, включающего, как можно предполагать, лексику разного времени и разных форм уголовного языка, однако не это опять же нас будет интересовать, а то, какой мотивирующий номинацию образ, ментальный по своему характеру и существу, кладется и, следовательно, может быть положен в основание переосмысляемого применительно к *зоопарку* переноса, метафорический он или нет. Характеризуемый и воспринимаемый нами как пространственный, а следовательно, как местообъект, 'зоопарк', занимая в сознании говорящих определенную позиционную форму, обладает способностью, оборачиваясь в том же сознании теми либо другими приписываемыми ему сторонами, распознаваемыми в нем как определяющие, отмечая что-то другое в себе, выделять, подчеркивать в этом другом те признаки, которые представляются репродуктивно-образными для него.

Данное положение означает, что воспринимаемый, «видимый» внутренним зрением 'зоопарк' в сознании говорящих, носителей данной ментальной культуры и языка, есть тем, что, втягивая в свою орбиту объекты иного рода, интерпретируя, определяя, разрешая их в своих понятийных терминах и в своем концептуально-оценочном характеризующем ключе, наделяя их свойствами «от себя», с одной стороны, расширяет зону своего представления, а с другой, выполняя функцию призмы и увеличительного стекла, выпячивает в них признаки, которые иначе были бы незаметны. Сфера ненормативных и ограниченных составом своих носителей языков,

характеризующихся общими системоценностными, концептуальными и оценочными параметрами, принимающих данный язык и использующих его в силу далеко не только номинальной и взятой на себя принадлежности к соответствующей группе как языковому социуму, – эта сфера, в отличие от не отмеченных этими свойствами других коммуникативных сфер, может быть более точно и определенно с позиций сознания своих говорящих охарактеризована. Иными словами, обобщая и не вдаваясь в подробности и объяснения, а потому и не обстоятельно, можно сказать, что язык такого, ограниченного с позиции социально обусловленной деятельности выбора, являет не в последнюю, если не в первую, очередь, определенный способ мышления и отношения к окружающему. Это язык заряженного концептуально-оценочного отношения к действительности, обладающий собственными, в том числе и репродуктивно-образными, чертами, отличающими его от других. Говорящие на таком языке видят мир, ощущают его в себе, не так, как все остальные, а по-своему, и это видение мира и его ощущение в себе для них, с одной стороны, сигнально, дает возможность в своем почувствовать своего, а с другой, перцептивно и генеративно, формирует и определяет сознание каждого из носителей данного языка, равно как и всех их вместе и одновременно. Язык в этом случае становится той когнитивной “массой”, которая лепит и формирует массив своих представителей, в обратную сторону, лепясь, формируясь ею, слепленной и сформированной по известному до того “образцу”. Создаваемый носителями шаблон выступает шаблоном для них же, для своих говорящих, и шаблон этот есть шаблон нарицающего эмотивного отношения.

Оттолкнувшись от этих посылок, проанализируем ‘зоопарк’ как репродуктивный образ на основе значений, предлагаемых названным ранее словарем¹⁵:

ЗООПАРК – 1. Школа для умственно отсталых детей. 2. Спецшкола для трудновоспитуемых детей.

Наблюдаемые внешне соотношения не сложны и довольно очевидны. Школа – место и одновременно собрание, коллектив, то, где всё находящееся в ней, представляет каким-то определенным образом организованное размещение (встречавшаяся ранее дислокативность) их по местам, по классам, как в вольерах и клетках для зоопарка. В школе учатся и находятся дети, которые, как известно, спокойствием не отличаются, ведут себя шумно, неорганизованно и беспорядочно (признак, встречавшийся ранее при рассмотрении значения *зоопарка* для беспорядка-неразберихи,

¹⁵ *Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы)* / Авторы-составители Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов. Москва 1992.

назовем его тумультативность¹⁶). Указанное поведение детей, позволяя соотносить их самих с животными, посаженными в клетках зоопарка, усиливается представлением о том, что это дети, в дополнение ко всему, умственно отсталые. Умственная отсталость, недоразвитость, в лишенном сочувствующего отношения мире, первично-первобытно воспринимается и интерпретируется как звериность. Такой человек, ребенок отождествляется с животным и соответствующим образом трактуется. Из чего следует третий признак представителей не человеческого, поскольку животного, а потому неуправляемого мира, не подчиняющегося порядку и не знакомого с необходимостью соблюдения соответствующих норм, что и проявляется в их поведении (четвертый признак), воспринимаемом как раздражающий “шум” и не поддающийся определению “беспорядок”. Полученная картина, таким образом, полностью совпала с выделенными ранее признаками рецепторно-перцептивного воображения о зоопарке, обнаруживающего себя в ‘локализованной дислокативно-множественной бестиарной тумультативности’.

Представленный концептуальный образ внешне вроде бы не выглядит оценочно. Зоопарк как ‘зоопарк’ и зоопарк как ‘школа для умственно отсталых’, ‘спецшкола для трудновоспитуемых’, имея совпадающие в своей основе “раздражители”, различаются смещенно-расходящимся, а потому и внутренне оценочным, отношением, которое одновременно и вместе с тем, направленным оказывается в обе стороны. Отношение к зоопарку как к ‘зоопарку’ не может быть в этом контексте одобрительно-серьезным. ‘Зоопарк’ (в таком представлении) – это ‘собранный в одно место множественная недоразвитость и глупость, бестолковый и неуправляемый “шум”, исходящий неважно от кого, от детей или животных’. Из чего следует полное не расподобленное тождество того и другого. Тождество, следующее из рецепторно-перцептивного представления, которое, побуждаясь раздражением и неприятием, ведет к тождеству также и концептуальному. Как (умственно отсталые) дети и животные одно и то же, так одно и то же зоопарк и такая их школа. Равным образом зоопарком и как ‘зоопарк’ может быть названа и интерпретирована и общеобразовательная школа (ничем не отличающаяся в восприятии для школы умственно отсталых и спецшколы трудновоспитуемых детей).

¹⁶ Лат. *tumultus* 1) смятение, беспорядок; 2) шум, гам; 3) бушевание; 4) мятеж, бунт, возмущение, волнение; *tumultuor, tumultuatus sum* 1) быть возбужденным, волноваться; 2) об ораторе шуметь, неистовствовать, оратор; 3) терять самообладание.

Различия ментальных проекций репродуктивно единого

Итак, репродуктивный образ, описанный ранее, 'зоопарка' отображает себя в значениях 'шум, неразбериха, беспорядок', 'школа для умственно отсталых' и 'спецшкола для трудновоспитуемых'. И согласуется, лежит в основе того толкования, которое дается в «Соннике» Р.Э. Гилей («Связанная либо сдавливаемая звериная природа, звериные страстные желания либо инстинкты. Другое значение: хаос.»).

Вопрос, который в этой связи следует поставить, заключался бы в том, чтобы понять, какой механизм и как регулирует различия в значениях, проекциях, единого, вследствие чего выходит, получается, объявляет себя разное. Это вопрос, фактически, воспринимающего сознания. Сознание, наделенное представлением об окружающей действительности как о бестолковой в своем целом, беспорядочной, мало приятной (если вообще такой) житейской "массе и лабуде", не слишком заслуживающей одобрения и сколько-нибудь ценного внимания со стороны ее так оценивающего и воспринимающего «я» носителя городского сленга. И сознание, которое к той же действительности относится как к неприятной и чуждой, если не враждебной, и как к пространству жизни (*Lebensraum*), в котором надо выжить, а чтобы выжить, надо "красть" (действительность в ее составе становится объектом ее насилующего отчуждения в свою пользу). Надо быть сильным, хитрым, злым, немилосердным, "зверем надо быть в этом зверином мире". Это сознание, носителя уголовного жаргона, по-другому будет общее представление (для воображения, в его "образе", том или другом) интерпретировать, оценивать и воспринимать.

Образ действительности как зоопарка, в котором хаос, бестолковщина и всяческая тупизна (ср.: *Питомец зоопарка; Что нового в жизни зоопарка?* у В.С. Елистратова). И образ действительности, в которой все только "звери" – дикие и хищные, гуляющие на свободе (если не посаженные в клетку), охотящиеся на других зверей, домашних, травоядных, неповоротливых, медлительных, тупых (овец, баранов, оленей, лосей, тюленей и пр.). И есть, в свою очередь, в ней такие, которым место лишь в зоопарке (поскольку не на "свободе"), по их недоразвитию, физическому и умственному, и неспособности самостоятельно существовать, потому что дети они, умственно отсталые или трудновоспитуемые. Тот и другой образ действительности порождает два разных представления об общем для них, 'зоопарке' (равно как и о чем-то другом), с совпадающими признаками рецепторно-перцептивного раздражения, переводящего все это в концептуально-оценочную плоскость субъектно-объектного пренебрежительно-го отношения.

Равно как нейтральное, не обусловленное, не предубежденное, скажем так, сознание спящего, не определяемого в его концепциях и предпочтениях, будет видеть, должно, предполагаясь, видеть в том же “образе” пришедшегося ‘зоопарка’ нечто не заряженное изначально, но применительно к себе – не зверю, утратившему в себе звериное начало, и не смотрящего на окружение как на наделенное и населенное повсюду им. Отсюда связанные, закрепощенные, сдавленные в себе звериные инстинкты, страстные желания, требующие выхода, и хаос как окончательная форма выхода, выпуска их из клеток на свою свободу. Репродуктивный образ, следовательно, как виртуальное, но лексемного уровня, оформленное свое значение, как виртуальное семемного уровня, получает в ментально обусловленном, проецирующем системном контексте его воспринимающего и вписывающего в себя сознания, в свое представление о действительности и отношение к ней. Сознание объединенной группы носителей в этой связи имеет смысл рассматривать как категорию, определяющую (наряду с предсказанием, но до него) форму значения, характер его проявления в допустимых, предполагаемых, возможных употреблениях в речи.

Множественность толкования ‘зоопарка’ по словарям сновидений (равно как и других онейрических образов) дает возможность, с одной стороны, задаваться вопросом о неединственности стоящих за всем этим репродуктивных образов, следующих из разных стоящих за ними воображений и представлений, о чем уже говорилось, а с другой, поставить вопрос о возможной их типологии. Оставим на время этот далеко не простой и многослойный вопрос, требующий своего отдельного разрешения, и обратимся к тому представлению, которое дополнительно может связывать образы, объявляющие себя тем либо другим каким-то видом своим во сне, и те, которые стоят за процессами называния. Обратимся для этого для начала к установлению, не столько, может быть, семантического и не столько онтологического (пусть даже условно), сколько сенсорно-репродуцирующего (как-нибудь так) отличия между тем, что такое сон и что такое тогда, его или не его, т.е. сна, сновидение. Оттолкнемся исходно от мысли, что в одном из значений *сон* тождествен, равен тому, что снится, что является и приходит во сне – своему *сновидению*. И это находит свое отражение в словарях (согласно МАС, 3-е знач. слова *сон* «То, что снится, сновидение. *Страшный сон. Толковать сны. Верить в сны.*»)

Не будем вдаваться в достаточно очевидные обстоятельства метонимического по своему характеру переноса, обратив внимание только на то, что не вполне совпадающими оказываются для сознания представления того и другого. Ограничимся для уяснения отличий лишь некоторыми примерами возможных употреблений. *Мне вчера снился сон. Сны бывают разные. Ночь была полна сновидений, все время что-то и кто-то являлся во сне.* Снится сон, не сновидение, сновидение снится не может. Случайно

ли это? То, что сны бывают, могут быть разные, вполне понятно и очень привычно. Но если сказать *Сновидения бывают разные*, представления в связи со сказанным может оказаться другим. Речь идет не о снах как о мире, в котором то и другое возможно, речь идет о том, что может являться во сне, в состоянии сна, одному человеку либо представителям какой-то подразумеваемой по какому-то признаку группы.

Сон, будучи тем, что снится (3-е знач. МАС), выступает как бы сопровождением состояния сна: человек спит, и ему снится сон, во время сна ему снится сон. Сон поэтому внутренне не отмечен границами, он открыт, наступая с момента в сон погружения, то ли сразу, то ли не сразу (в данном случае речь не идет о научном определении, но о внутреннем ощущении того, что такое сон), поскольку равен сну-состоянию. Сновидение семантически, в смысловом отношении, самостоятельно, это не столько сопровождение сна, сколько нечто в него входящее, имеющее свои границы, начало, развертывание, конец и сюжет. Отсюда осмысленным и вполне объяснимым представляется выражение *мир сновидений*, как мир историй и образов, возникающих, возможных во время сна, в то время как *мир снов*, *в мире снов* будет, скорее всего, представлять состояния (*Он живет в мире снов*), при которых видится, кажется и является что-то такое, что не может являться в состоянии бодрствования.

Безусловно, семантика различения ‘сон + видение’ и ‘сон = сон’ на это оказывает самое непосредственное влияние, для нас будет важно представить, что если *сновидение* – это образы и видения, появляющиеся во время сна, то *сон*, как то, что снится, – это то, что, фактически и в первую очередь, оформляет состояние сна, делая его, это состояние, отличным от другого какого-либо состояния, также способного быть и мыслиться состоянием видения, сопровождаясь воображением, впечатлением, возможно также приписыванием, домысливанием чего-то равно как реального, так и не реального и кажущегося, будь то состояние бодрствования, потери сознания, бреда, галлюцинации, психических изменений, вызываемых психотропными средствами, заболеваниями и т.д., и т.п.¹⁷. На границе таких видений,

¹⁷ Говоря о дифференциации образов, стоит упомянуть работы психологов, касающихся данных проблем. Так, А.А. Гостев и В.Ф. Рубахин, в частности, выделяют (затрагивая в том числе и пространственные представления, отличающиеся ими от образов пространственного воображения) репродуктивные образы (образы памяти), образы воображения, сновидения и сновидные образы, образы гипнагогические (дремотного состояния), гипнопомпические (этапа выхода из состояния сна), галлюцинаторноподобные, иллюзорные, подробно характеризуя каждую разновидность и отсылая к литературе предмета. (А.А. Гостев, В.Ф. Рубахин: *Классификация образных явлений в свете системного подхода* [в:] <http://www.voppsy.ru/issues/1985/851/851033.htm> [15.02.2015]). Репродуктивные образы в нашей работе, не отрицая их отнесенность к памяти (если понимать под этим словом также не всегда ощущаемый или осознаваемый багаж), мы будем представ-

не характерных для состояния сна, отличающих сон от всего остального, стоять будет не ‚сновидение‘, которое объявляется, являясь во сне, а ‚сон‘ как видения, сопровождающие и одновременно с этим обособляющие, отделяющие и ограждающие сон как сон от того, что не он, от другого и также возможного. Если сон, иными словами, видение, свойственное и характеризующее состояние сна, то сновидение – это история в образах, картины, являющиеся и себя объявляющие, показывающиеся во сне.

В связи с этим возможен также вопрос о пространствах (равно как и о чем-то другом). Пространства в снах и пространства в сновидениях и в отношении сновидений – одно ли и то же или же не совсем? Не будет ли неоправданной подобная постановка вопроса? Чтобы ответить на то и другое, положительно ли, отрицательно, зададимся еще одним. Не тем, что такое пространство и каким оно может быть, и даже не тем, каким предстает, может быть пространство во сне, в сновидении, а какими оказываются, объявляют себя те типично нами воспринимаемые (как пространства) пространства, но не во снах и не в сновидениях, а на основе снотолкований их представляющих образов. Рассмотрение их, этих пространственных по общему представлению образов, в соответствующем определяющем и распределяющем по видам и формам ключе, может, если не прямо, то косвенно предположить возможный для снов и для сновидений ответ. Опираясь в своих рассуждениях мы предполагаем намеренно не на научных¹⁸, а на, скажем так, общежитейских обыденных представлениях, тех, которые находят свое преимущественное отображение в языке как средстве общения всех и каждого независимо от знаний, образования и теоретической подготовки. И отражаются, необходимо добавить, в существующих лингвистических словарях, называемых толковыми.

Отвлекаясь от философских и физических объяснений, пространство можно себе представить как нечто, что можно увидеть, вообразить, в чем может что-то, кто-то себя проявлять, ощущать, находясь внутри либо сверху, пребывая и (или) действуя. То есть пространство в этом ключе будет тем, что потенциально либо реально в себя включает, вбирает и поглощает, заряжая по этой причине собой, создавая видимой форму как место

лать как образы оперативные, в оперативном и оперирующем, в том числе и импульсивном, их проявлении.

¹⁸ Существует обширная, в том числе и лингвистическая, литература по этим вопросам, к которой мы и отсылаем интересующегося читателя. Поскольку нашей задачей не было выяснение всех вероятных определяющих обстоятельств, но претворение того представления о пространстве, которое существует в сознании носителей языка, в представления отраженного впечатления в образах, репродуцирующих по своим основаниям, т.е. способных, себя проецируя, из себя порождать, то, что возможно все в том же сознании и для него, опустим дифференцирующие отступления, чтобы не отходить от выбранной темы.

своего пребывания. С обыденной точки зрения невозможно представить себе состояния ‚быть нигде’, всегда и единственно это ‚быть’ значит ‚где-то’. Пространство в этом смысле витально и экзистенциально, представляя возможность существовать. Для сознания, следовательно, это если не обжитое пространство, то что-то вмещающее, что-то в себе содержащее, даже если это что-то мыслится, представляясь как ‚пустота’. Второе значение слова *пространства* по МАС, наиболее близкое данному объяснению, определяет его как «2. Место, способное вместить что-л.», пространство в этом значении, следовательно, выступает как место – вмещения, положения, размещения, пребывания, бытия.

Abstract

‘The zoological garden’ of the Russian mental notions The variations and the dynamics of the reproductive image (2)

The character of the relations between linguistic and not strictly linguistic elements of awareness is discussed basing upon the example of the existing notions of the zoological garden. The vocabulary material reflecting both historical and contemporary interpretations is quoted. These interpretations include the etymology of the words. Their analysis is aimed at finding out the motives that change in time, features and semantic analogies. These three elements are then consolidated in the notions of the mental and linguistic culture. Later on, the character of the relations between the state of an animal and a human is established (by placing the characters in an artificially created space). The human resembles the animal and the latter is a representative of a community in captivity, and the human observing the animals becomes an element of the collective display. The gathered information and interpretations (compared to the data from the dictionary of dreams via their semantic and mental features) make it possible to ask a question on the semantics of the mental and semantic features of the vivid experiences that exist in perceptual and mental planes. These experiences shape the notions for the representatives of a specific mental culture. The notions in question are of regulating, approximate and not always realized character. As the result, these notions, and especially the ones that condition the organisation of the world in linguistic and non-linguistic awareness, influence the semantic evolution of a language as well as its users’ mentality.

Keywords:

linguistic / non-linguistic awareness, mentality, mental image, animal – human, semantics

Abstrakt

‘Ogród zoologiczny’ rosyjskich wyobrażeń mentalnych Wariacje i dynamika reproduktywnego obrazu (2)

Na przykładzie istniejących wyobrażeń o ogrodzie zoologicznym omawiany jest charakter relacji pomiędzy językowymi i nie ściśle językowymi elementami świadomości. Przytaczany jest materiał słownikowy odzwierciedlający zarówno historyczne, jak i współczesne interpretacje z uwzględnieniem etymologii słów. Ich analiza ma na celu wychwycenie zmieniających się w czasie motywów, cech i analogii znaczeniowych, które to następnie utrwalają się w wyobrażeniach danej kultury mentalnej i językowej. Ustalany jest charakter relacji (poprzez umieszczenie w sztucznie zorganizowanej przestrzeni) między stanem zwierzęcia i człowieka. Człowieka, upodabniającego się do zwierzęcia, zwierzęcia, jako reprezentanta pewnej zamkniętej w niewoli i zgromadzonej w jednym miejscu

zbiorowości, i znowuż człowieka, ale jako obserwatora tych istot bądź podmiotu znajdującego się w analogicznej sytuacji zbiorowego pokazu. Zebrane informacje i interpretacje, które porównujemy z danymi słownika marzeń sennych przez pryzmat ich cech znaczeniowych i mentalnych, pozwalają na postawienie pytania dotyczącego semantyki reproduktywnych, istniejących percepcyjnie i mentalnie, obrazowych doznań. Biorą one bowiem udział w kształtowaniu u przedstawicieli określonej kultury mentalnej regulacyjno-orientacyjnych, do tego nie zawsze uświadamianych, wyobrażeń. Wspomniane doznania, zwłaszcza te, które warunkują organizację świata w językowej i nie tylko językowej świadomości, wpływają, jako skutek, na semantyczną ewolucję języka, jak również na mentalność jego użytkowników.

Słowa kluczowe:

świadomość, mentalność, mentalny obraz, zwierzę, człowiek, semantyka